

УДК 82-053.2

О ВЛИЯНИИ РОМАНТИЗМА НА РУССКУЮ ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

О. С. Карандашова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена рассмотрению тех новшеств, которые появились в русской детской литературе в эпоху романтизма. В частности, анализируются изменения в изображении ребенка и детства, обосновывается закономерность вхождения сказки в русскую литературу в начале XIX века.

Ключевые слова: *детская литература, романтизм, литературная сказка, русская литература начала XIX века, образ ребенка.*

Эпоха романтизма в России, пришедшая на начало XIX века, стала не только «золотым веком» русской взрослой литературы, но и, естественно, оказала мощное влияние на развитие детской. Самое важное, что произошло в это время, – это изменился взгляд на ребенка. В разные периоды своего развития общество в силу определенных факторов по-разному воспринимает детство. Отношение к детству представляет собой результат ценностного осмысления обществом человека как такового и его места в мире. Так, в XVIII веке, в эпоху классицизма, доминантой общественного сознания является государство; человек – функция государства. Роль человека определяется тем, какую роль он играет в государстве. Детство в XVIII веке воспринималось едва ли не как болезнь (естественное, но все-таки временно ненормальное состояние человека), а ребенок соответственно как «недовзрослый», «недочеловек», поэтому задача взрослых – помочь ему быстрее «поправиться», «переболеть» детством, то есть повзрослеть, стать полноценным человеком [9, с. 192]. Так, например, в сказках Екатерины II («Сказка о царевиче Февее» и «Сказка о царевиче Хлоре»), первых, по сути, русских литературных сказках для детей, в довольно прямолинейной, дидактически-назидательной форме говорится о воспитании идеальной личности, обладающей высокими морально-нравственными и интеллектуальными достоинствами, умеющей подчинить разуму свои чувства и желания. Отсюда в них характерные для эпохи Просвещения особенности: утверждение идеала простого, здорового, активного образа жизни, соблюдения умеренности во всем, стремления к совершенствованию, добродетели; прямолинейное противопоставление похвальных и дурных качеств. Закономерно, что в «Сказке о царевиче Хлоре» в помощники на жизненном пути маленькому герою дается Рассудок, на который нужно опираться в процессе обретения добродетели. И совершенно не случайно в сказках Екатерины II рисуется образ идеального правителя и образ идеального подданного. (Ранее мы уже неоднократно писали о сказках императрицы [3; 5; 6; 7; 8].) В литературе XVIII века в целом преобладали идеализированные представления, в частности и о семье. Реальные сложности жизни ребенка и семьи находились за пределами внимания писателей, часто представлявших в своих произведениях рационалистические модели идеальной семьи.

В начале XIX века маятник общественного сознания качнулся в другую, прямо противоположную сторону. Конечно, некоторые произведения этого времени сохраняют еще отголоски предыдущей эпохи. Особенно это характерно для усадебной дворянской литературы, которая, казалось бы, очень внимательно относилась к детству, однако здесь ребенок по-прежнему поставлен в несвойственные детству ситуации, его общение с взрослыми строго регламентировано, он не свободен в своих поступках. Нахождение на периферии литературного процесса, удаленно от культурных центров, приводит в данном случае к тому, что усадебная литература первой половины XIX века демонстрирует устаревшее представление о ребенке и детстве, не являющееся показательным для передовой литературы того времени. В первой трети XIX века в русской культуре под влиянием романтизма ребенок стал восприниматься как идеал человека. Произошло это, на наш взгляд, потому, что в романтизме в целом главное – это человек, его внутренняя субъективная сущность, его индивидуальность и оригинальность. В романтическом мировосприятии человек – целая вселенная, уникальная и неповторимая, поэтому в романтическом искусстве приоритет отдается «внутреннему человеку», создается культ чувств, а в романтической литературе часто изображается «странный», непохожий на всех остальных людей герой (безумец, богорец, мятежник, разбойник, художник, представитель иной народности и т. п., но обязательно не такой, как другие, так или иначе «странный»). Отсюда самый распространенный конфликт романтического произведения – «герой и толпа». Другие черты романтического произведения вытекают из этого центрального для романтизма посыла. В детской литературе это привело к изменению взгляда на ребенка и детство. Ребенок, как было сказано выше, начинает изображаться как идеал человека, а взрослый – как испорченный ребенок, многое потерявший в духовно-ценностном смысле и извративший свою детскую сущность, утративший детскость. А детскость становится одним из критериев человека, сохранение детскости – одним из требований, предъявляемых романтиками к взрослому. Под детскостью имеется в виду прежде всего чистота души, несколько наивное, интуитивное, но незамутненное, неразвращенное, неиспорченное восприятие мира; от взрослого человека требуется сохранять взгляд «первооткрытия», чтобы мочь видеть красоту жизни. В этой связи совершенно не случайно знаменитое описание украинской ночи Н. В. Гоголя в «Сорочинской ярмарке» открывается вопросами: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее» [2, с. 87]. Задавая вначале риторические вопросы, затем бросая риторическое восклицание и переходя к описанию, автор как бы призывает читателя посмотреть на привычные, обыденные вещи новым взглядом, открыть красоту мира заново, как свойственно детям.

Детство при этом начинает восприниматься как отдельный, самодостаточный и самоценный период жизни, зачастую как идеальная, «золотая» пора жизни человека. Поэтому большинство писателей того времени начинают писать для детей, появляется само понятие «детский писатель». От назидательности и дидактизма предыдущего периода детская литература начала XIX века переходит к психологически тонкому осмыслению мира детства с его особым строем, психологией, ценностями, особым мироощущением. «Писатели-романтики первые ввели в русскую литературу психологически очерченный образ ребенка, они угадали в мире детства целый поэтический мир» [1, с. 109].

Другой принципиально важный момент, связанный с влиянием романтизма на русскую детскую литературу, заключается, на наш взгляд, в следующем. С философско-эстетических позиций романтизма, так же как каждый человек уникален и

неповторим, так же уникален и неповторим каждый народ, нация. Поэтому в эпоху романтизма рождается небывалый до того подъем народного самосознания, интерес к национальной культуре, истории, традициям, фольклору. (Этому способствовал, безусловно, и ряд конкретных исторических событий, как, например, Отечественная война 1812 г., но только внешним воздействием на литературу вряд ли можно ограничиваться. К числу внутренних причин, литературных закономерностей развития, по нашему убеждению, относится именно влияние романтического мироощущения писателей начала XIX века.) При этом национальное у романтиков ценно как неповторимое, уникальное и в то же время закономерное в общем развитии, как неотъемлемая часть общемирового целого. В частности, Ф. Шлегель призывал рассматривать нации с их особенностями как «удивительные фрагменты» общечеловеческого [11, с. 11]. Та же мысль характерна, например, и для Н.В. Гоголя [4, с. 315–318]. Романтики ощущали свою жизнь звеном длительного исторического процесса, частью народного целого. Влияние романтического интереса к национальному на детскую литературу проявилось прежде всего в том, что в нее вошел фольклор. До этого, как известно, устное народное творчество воспринималось дворянским образованным обществом как низкое искусство. Фольклор теперь объявляется проявлением народного гения, «духа нации», в котором открывается общечеловеческий или Божественный дух. Поэтому на рубеже веков начинают издаваться для детского чтения сборники фольклорных песенок и сказок, а в первой трети XIX века появляются и приобретают массовый характер переработки фольклорных произведений, а также попытки создать авторские произведения в «народном духе». Писатель-романтик, сочинявший сказки, пытался стать тем самым наравне с этим духом, надеясь возвыситься до народного гения благодаря гению индивидуальному. Народность объявляется едва ли не важнейшим критерием оценки художественного произведения, непременным требованием, к нему предъявляемым. Не случайно и жанр сказки в это время становится таким популярным, происходит освоение русской литературой сказочного жанра [10]. В других национальных литературах эпохи романтизма доминировали разные жанры – у каждой национальной романтической разновидности свое, своеобразное жанровое лицо. Для русского романтизма наиболее приемлемым оказался жанр сказки. На первом этапе развития романтизма литературная сказка обретает свои основные черты; сказочная фантастика становится средством философского постижения жизни, а сама сказка – своеобразным языком романтизма. В ходе развития романтизма литературная сказка, сохраняя приверженность народной традиции, постепенно превращается в крупное синтетическое произведение с большим количеством героев, со сложной внутренней структурой. Со временем начинается процесс более глубокого и пристального изучения действительности, ее социальных противоречий. По мере своего развития романтическое сознание стало постепенно настраиваться на волну жизни действительной, которая выдвигает свои проблемы. И все же романтики продолжают утверждать, что мир слишком сложен и противоречив, чтобы его можно было постичь. В литературе это выражается с помощью фантастических образов, нереальных ситуаций, гротескных форм. Писатели-романтики пытаются не столько отразить действительность, сколько выразить ее возможности, передать свое ощущение от ее разнообразия и непостижимости, для чего очень активно используется сказочный жанр.

Таким образом, романтизм проявил интерес ко всему национально-историческому, что спровоцировало собирание и освоение фольклора, а для русского романтизма наиболее актуальным стал жанр сказки, что и привело к небывалому доколе расцвету литературной сказки как в детской, так и во взрослой литературе.

С течением времени сказка прочно закрепилась в детской литературе, и большая часть произведений, изначально не предназначенных для этого, перешли в круг детского чтения. По верному замечанию И. П. Арзамасцевой, «воздействие народной сказки на сказку литературную было сильно как никогда прежде, но при этом писатели-сказочники уходили от простого подражания народной фантазии, желая создавать творения, не уступающие в совершенстве фольклору» [1, с. 110]. Через сказку предпринимается, с одной стороны, попытка популяризовать фольклор, а с другой стороны, народная сказка в это время была призвана посредством введения новых тем, сюжетов, образов обогатить литературу, внести в нее элемент новизны. Благодаря этому в итоге русская литература пополнилась сказками А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. Погорельского, В. Ф. Одоевского, П. П. Ершова, а сказочный жанр является до сих пор ведущим в детской литературе.

Список литературы

1. Арзамасцева И. Н. Детская литература : Учебник. М. : Академия, 2005. 576 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений : в 5 т. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 374 с.
3. Карандашова О. С. Взгляды Екатерины II на воспитание в сказках для детей // Детская литература и воспитание / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2004. С. 113–118.
4. Карандашова О. С. Взгляды Н. В. Гоголя на историю // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 315–318.
5. Карандашова О. С. Идеи Просвещения в сказках Екатерины II для детей («Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2005. № 7 (13). С. 4–11.
6. Карандашова О. С. Истоки русской литературной сказки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 17–21.
7. Карандашова О. С. Традиции и новаторство сказок Екатерины II для детей // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13. СПб. ; Самара : НТЦ, 2007. С. 172–181.
8. Карандашова О. С. Фольклорные традиции и черты литературности в сказках Екатерины II для детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 116–124.
9. Карандашова О. С., Строганов М. В. Семья и детство как предмет художественного изучения в русской литературе. Опыт авторефлексии // Семья в современном мире: социокультурные аспекты Тверской гос. ун-т. Тверь, 2009. С. 187–197.
10. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 1959. 502 с.
11. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : В 2 т. Т. 2. М. : Искусство, 1983. 447 с.

REGARDING THE INFLUENCE OF ROMANTICISM ON RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE

O. S. Karandashova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to the consideration of the innovations that appeared in Russian children's literature in the era of romanticism. In particular, changes in the image of a

child and childhood are analyzed, as well as the grounds for the entry of a fairy tale into the Russian literature at the beginning of the 19th century are given proof of.

Keywords: *children's literature, romanticism, the literary fairy tale, the Russian literature of the beginning of the XIX century, the image of a child.*

Об авторе:

КАРАНДАШОВА Ольга Святославовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Karandashova.OS@tversu.ru.

About the author:

KARANDASHOVA Olga Svyatoslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: Karandashova.OS@tversu.ru.